

Владимир РЕЦЕПТЕР

СТИХИ И ПЕСНИ

* * *

Смерть унижительна... Он — больше не звезда,
не выборщик пути, не мастер, не учёный...
Любым закусит мрак, любой — грибок мочёный,
хоть мечен прозвищем почтенного труда.
Коронавируса чумная чехарда
кружит нам головы, крушит большие жизни,
не позаботившись о кладбище и тризне.

Куда ни глянь: и этот инвалид
читает, думает, речёт и не слепит
внезапной гибелью... И схожи униженья
для всех трудящихся, как правила движенья.
Сбавь скорость, батюшка, пора, не рвись вперёд,
и ты — не более чем русский пешеход...

* * *

К. Ф. Т.-Д.

Домбровский, Домбровский, писатель московский.
Один из знакомых моих...
Надеюсь, что пробные эти наброски
прочтутся сегодня как стих...

Глубокий роман, поначалу неброский...
Рассказы про звонких гонцов...
Любимый художник и мой, и домбровский —
надмирный Сергей Калмыков...

Боялись Домбровского те, кто хотели
того, что боялся бы он.
Они не достигли желаемой цели,
Домбровский не шёл на поклон.

Владимир Эмануилович Рецепттер — поэт, прозаик, пушкинист, народный артист России, лауреат Государственной премии России. Создатель и художественный руководитель Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге (с 1992 года) и театра «Пушкинская школа».

Домбровский — декан факультета ненужных
хамью и подонкам вещей;
друг древностей и новостей безоружных.
Хранитель... Ночной книгочей...

Он лучшую выбрал из алмаатинок,
Домбровской назначил, женой,
сияющим светом из них, половинок,
сообщницей славы земной.

А я сохранил два письма драгоценных:
«Русалка»... Шекспир... Перевод...
И вспомнил сюжет об архивах нетленных,
в которых и тень оживёт...

* * *

«Снег, метель, порывы ветра», —
сообщало Эм-Че-Эс, —
также похороны мэтра,
он ушёл и не воскрес,

так что будет похоронен
на Ваганьковском, в углу.
Был давно потусторонен,
склонен к ярости и злу.

Знайте, мэтр сумел очнуться
и покинул тесный гроб,

чтоб за гробом не споткнуться,
стал крестить холодный лоб,

отказался от былого
ради праведных затей,
открестился от дурного
чертыханья и чертей

в пользу всех церквей воскресных,
колоколен верховых,
ради Ангелов небесных
и Архангелов святых...

* * *

Подорожал урюк, и вишня, и орех,
а там — и весь базар, и транспорт городской.
И если мы, собрат, живём не хуже всех,
то это оттого, что ценим наш покой.

Подорожало всё: квартира и тепло.
И свет подорожал, и газ, и плюс вода.
И если нам с тобой по-прежнему светло,
то это оттого, что шутим, как всегда.

Подорожала речь и праведный язык;
молчанье на двоих и песня для своих.
И если мы с тобой не оставляем книг,
то это оттого, что любим русский стих.

Подорожал восход. Подорожал закат.
И царственная ночь. И злободневный зной.
И если мы во всём согласны, мой собрат,
то это оттого, что дорог мир земной...

* * *

Обманный день маячит полный год.
Все ждут его, и он нас тоже ждёт,
чтоб обмануть нелепостью, смеяться
без декораций, в образе паяца
устраивать из жизни анекдот...

Не верь, не верь, не верь,
хоть первого апреля.
Не пробуй эту дверь,
в простую радость целя.
Всем верить, всем прощать
враньё, обман нарочный,
иль телефонный, или очный —
безумье в возрасте твоём...

Возьми гитару, и споём
один куплет, вдвоём, куплет — немало:
«Во поле берёза стояла,
во поле кудрявая сто-я-ла...»

* * *

Что может быть вместительней минуты,
когда сознание ясно и светло,
а время словно спрятало те пути,
которыми владело ремесло?..

Без ремесла, без времени... Свобода
свои диктует строки двойнику,
почувывшему холод небосвода,
на всё ещё не прожитом веку.

Благодаренье Господу за старость,
не помнящую старости своей,
но выбравшую страсть, а не усталость,
счастливую на весь остаток дней...

* * *

Сама не зная, что она такое,
в семнадцать лет гулять вовсю пошла,
и улица держала под рукою
её саму и все её дела.

Работал я в секретной оборонке,
сойдясь с еврейкой, матерью её,
но этот голос с дрожиментом тонкий
всегда пронзал спокойствие моё...

Потом девчонка ринулась в учёбу
и вместе с мамой улетела прочь.
А я узнал сиротство и стыдобу,
я их любил, любил и мать, и дочь.

Господь помог связаться и списаться,
увидеться на берегах Невы...
Умей, дружбан, ценить и удивляться,
умей молчать, чтоб избежать молвы.

В родном краю, краю российском отчем,
я вспоминаю на закате дней:
я был ей отчим и остался — отчим,
но, кажется, её любил сильнеей...

* * *

«Закладки» в нужных книгах, из того,
что под руку попало. Все загадки
любимого собранья твоего
приоткрывают первые «закладки».

Листать, листать и не перелистать
заложенные чем ни шло страницы...
Пустеет память, тяжелеет кладь,
и лишь одна библиотека длится.

Вот только бы её не разнесли,
не выбросили, лишнюю для многих!..
Пускай замрёт, с закладками, в пыли,
не подвергаясь тупости двуногих.

И Пушкин, и всё то, что вокруг него,
испещрено твоими «нота бене»,
иль текстами, или одним «браво»,
но параллели света несомненны.

Закладки — клад. Библиотека — клад.
Гляжу — и раздвигается минута...
Пусть целиком достанется кому-то,
кто перед книгой не был виноват...